

Структура и семантика русских сложных слов с цветовым компонентом

Людмила Львовна Федорова, Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва), lfvouh@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611725030033

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются структурно-семантические модели сложных слов русского языка с компонентом, обозначающим цвет. Русские сложные слова анализируются как в типологическом плане, учитывающем характер связи между компонентами сложного слова, так и в словообразовательном отношении.

Сложные слова, обозначающие цвет, могут включать две (или более) цветовые основы либо одну с модификатором, уточняющим признак цвета: его светоносность, насыщенность, другие особенности; модификатор может содержать образ сравнения. Композиты с двумя цветовыми основами могут быть координативными или атрибутивными. Отдельный класс представляют экспрессивные модели редупликации.

В результате исследования были выделены 13 моделей композитов с цветовым компонентом (прилагательных, наречий, существительных). Часть из них специфичны только для «цветовых» композитов, часть входят в более широкие по семантике модели. Опрос по определению цветового образца показал высокую продуктивность модели с формантом интенсивности, а также формирование нового цветового эталона.

Проведенный анализ помогает оценить возможности русской системы цветообозначений, включающей типологически разнообразные модели. Главной особенностью большинства моделей является их

высокая продуктивность, основанная на свободном сочетании компонентов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русские сложные слова, типология словосложения, лингвистическая цветология, модели цветообозначений

для цитирования: Федорова Л. Л. Структура и семантика русских сложных слов с цветовым компонентом // Русская речь. 2025. № 3. С. 48–62. DOI: 10.31857/S0131611725030033.

Issues of Modern Russian Language

The Structure and Semantics of Russian Compounds with a Color Component

Liudmila L. Fedorova, Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow),
lfvoux@yandex.ru

ABSTRACT: The paper aims to investigate structural and semantic schemas of Russian compounds with a color-denoting component.

Russian compounds are analyzed both in typological terms, taking into account the nature of the connection between the components of a compound word, and in word-formation terms.

Compounds can include two (or more) color bases, or one with a modifier specifying the color attribute: its luminosity, saturation, and other features; the modifier may contain an image of comparison. Compounds with two color bases can be coordinative or attributive.

As a result of the study, 13 schemas of compounds with a color component (adjectives, adverbs, nouns) were identified. Some of them are specific only for “color” compounds, some are included in broader semantic types. The survey to determine the color sample showed high productivity of the schema with the intensity modifier, as well as the formation of a new color standard.

The analysis helps to assess the possibilities of the Russian color designation system, which includes typologically diverse schemas. The main feature of most of them is their high productivity based on a free combination of components.

KEYWORDS: Russian compounds, typology of compounding, linguistic colorology, color designation schemas

FOR CITATION: Fedorova L. L. The Structure and Semantics of Russian Compounds with a Color Component. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 3. Pp. 48–62. DOI: 10.31857/S0131611725030033.

Постановка задачи

Данная работа посвящена одному из семантических классов сложных слов, объединяющему композиты с цветовым компонентом. Тем самым она относится к типологии словосложения, но при этом в аспекте лингвистической цветологии. Нас будут интересовать словообразовательные возможности русского языка для выражения цветовых значений, что могло бы в дальнейшем представлять интерес для этнолингвистических и типологических сопоставлений.

В плане цветологии структурные классификации цветообозначений предлагаются, в частности, в работах [Гак 1984; Косых 2002; Арнаутова 2014], в них обычно различаются номинации простые, сложные и аналитические (составные с существительным «цвет»). Попытка классификации сложных цветообозначений предпринята в работе [Соснина 2015], где автор проводит разделение на универбализационные композиты (свернутые сравнения: *пепельно-серый* < *серый*, как *пепел*) и квазикомпозиты (обозначения комбинированного цвета или цвета с интенсификатором). Вопросы семантики сложных цветообозначений рассматривает В. В. Краснянский в монографии «Сложные цветообозначения русской речи» [Краснянский 2000]. Однако структурные возможности русских сложных цветообозначений все же остаются недостаточно изученными.

Структурно-семантические модели

Приоритетной частью речи, выражающей признаковое значение цвета, является прилагательное, хотя цветовые значения могут выражать и существительные, наречия, глаголы; но сложные глаголы для русского языка не характерны, цветовые компоненты в них имеют переносные

значения, сами глаголы производны и окказиональны (напр., отмеченные у Даля *чернокнижить* и *чернокнижничать*, *краснобаить* и *краснобайствовать* с нецветовым значением основы, неологизм В. Маяковского *черносотенствовать*, окказионализмы *белогвардействовать*, *беломорничать*, *белошвейничать*).

В структурном отношении все цветовые композиты могут быть разделены на состоящие из двух (или более) цветовых основ и на включающие только одну такую основу, дополненную формантом-модификатором, передающим различные дополнительные характеристики (для русского языка это левый формант). В соответствии с наиболее принятым типологическим разделением по типу связи между компонентами композитов [Scalise, Bisetto 2009] цветовые композиты могут представлять два типа структур: координативные и атрибутивные. Однако возможен и третий тип сложных цветообозначений, основанный на редупликации и обычно не включаемый в типологические классификации сложных слов.

В нашем анализе мы выделим три основных класса моделей: I — модели прилагательных и наречий, включающие две цветовые основы, II — модели прилагательных с одной цветовой основой, III — модели существительных, включающие цветовую основу. В их числе отметим 13 моделей.

I. Структурные модели прилагательных и наречий, включающие две (или более) цветовые основы

По своей семантике это модели: 1. интенсификации цвета; 2. сочетания цветов в объекте; 3. переходного цвета.

1. Экспрессивная интенсификация цвета: модели редупликации

Выделяется несколько моделей редупликации цветовой основы.

1) Удвоение прилагательного, отличающееся от синтаксического повтора, ср.: *Небо синее-синее!* и *Синее, синее небо* (различаются графически и интонационно).

2) Повтор прилагательного с префиксом *пре-*: *черный-пречерный дом*, *белый-пребелый бант*.

3) Идиоматичная редупликация кратких прилагательных и наречий: *черным-черно*, *белым-бело*.

Основное значение, выражаемое моделями редупликации, это интенсивность признака, к которой добавляется эмоционально-экспрессивный компонент в зависимости от контекста — удивление, восхищение, страх и др. Если при синтаксическом повторе степень интенсивности как бы складывается, то при редупликации умножается, передавая тотальную

полноту признака [Федорова 2005]. Такие образования свойственны разговорной речи, обычно детской, эмоционально насыщенной, а также встречаются в неформальных текстах (в дневниках, переписке) и литературе для детей.

По мнению В. Г. Кульпиной, «только основные термины цвета способны образовывать редуцированные формы с усилительно-экспрессивной семантикой (напр., *синий-синий*, *желтый-прежелтый*, *зеленым-зелено*)» [Кульпина 2019: 130]. Возможно, это связано с представлением о чистоте цвета, выражаемой признаком интенсивности, и с критериями выделения основных цветов. В то же время в корпусном исследовании В. Ю. Аперсян [Аперсян 2018], также ориентированном на основные (basic) цвета, исключаются как неспособные к редукации *фиолетовый*, *оранжевый*, *розовый* (базовые, по Берлину и Кею), не находятся примеры на *коричневый-коричневый*, но отмечены *голубой-голубой* и *рыжий-рыжий*. В этой связи переосмысливается само понятие основных цветов, требующее учета культурно значимых и собственно семантических параметров (в частности, способности к градуированию интенсивности). При этом критерий частотности исключает рассмотрение окказионализмов.

Мы склонны считать, что нет абсолютного запрета на использование конкретных цветочных прилагательных в данной конструкции, хотя оно затруднено для производных, сохраняющих относительное значение, типа *малиновый*, *оливковый*, *кирпичный*. Оно также затруднено для многосложных названий, которые трудно вписать в резко взлетающий интонационный контур, отражающий эмоциональный всплеск. Но в окказиональном употреблении в живой речи вполне возможны и нестандартные редукации. Прагматический аспект тоже значим: появление «моды» на какой-то цвет может активизировать его экспрессивное выражение; так можно объяснить примеры *розовый-розовый*, *сиреневый-сиреневый*, представленные в корпусе.

По наблюдению О. Ю. Крючковой, редуцированные слова «идиоматичны относительно своего состава», т. е., например, «*красный-красный*» соотносимо лишь с одним, собственно «цветочным» значением слова *красный* [Крючкова 2004: 65].

В то же время не только цветочные значения могут быть представлены в таких моделях. Редукация, повтор — это один из самых простых и архаичных способов выразить интенсивность признака: *длинный-длинный*, *добрый-предобрый*, *полным-полно*.

В отличие от моделей редукации прилагательных, модель наречий (*белым-бело*) не продуктивна и имеет идиоматичный характер в связи с особенностями структурной и ритмической организации. В целом роль ритмических ограничений при редукации нельзя недооценивать.

2. Сочетание цветов в объекте: координативная модель

4) Модель двух (и более цветов) в объекте

Объединение в сложном прилагательном двух (или более) основ, называющих разные цвета, характеризует объект, сочетающий фрагменты разных, обычно контрастных, цветов, так что границы между ними четко различимы: *красно-синий мяч, черно-белое кино, бело-красно-синий флаг*.

Данная модель предполагает координативную связь между компонентами (соответствующую союзу «и»), т. е. в принципе компоненты равноправны, хотя их порядок может иногда указывать на больший объем последнего (основного) цвета; но обычно выбирается ритмически уравновешенное сочетание (так, естественней звучит *бело-голубой*, чем *голубо-белый*).

3. Модели переходного цвета: атрибутивные модели передачи оттенка

5) Модель оттеночной модификации

Внешне аналогичная 4-й модели с двумя цветовыми основами, но семантически отличающаяся, обозначает один смешанный, переходный цвет: *желто-зеленый лимон, красно-оранжевая луна*. Если оба цвета относятся к спектрально близким, то первый компонент выступает как модификатор и воспринимается как дополнительный оттенок, поэтому она может быть отнесена к атрибутивным (определяющим).

Но обычно дополнительный оттенок уточняется собственно оттеночными цветами: *бежево-белый, бордово-красный, лазурно-синий*.

Интересно, что в польском языке модели 4 и 5 различаются орфографически: координативная (двухцветная) передается дефисным написанием, а атрибутивная (с оттенком цвета) — слитным, что представляется логичным: *żółto-zielona cytryna* ‘желто-зеленый лимон’ — часть лимона желтая, часть зеленая; а *żółtozielona koszula* ‘желто-зеленая рубашка’ — ‘зеленая с оттенком желтого’.

Эта модель показывает недостаточную определенность цвета, его неоднозначность в глазах оценивающего. Пределом такой неопределенности является шутивное обозначение *серо-буро-малиновый* или даже *серо-буро-малиновый в крапинку*, которое может значить как ‘неопределенного цвета’, так и ‘неважно какого цвета’ или даже ‘неопределенной пестроты’ (такую возможность предоставляет контраст между серо-бурым и малиновым).

6) Модель ослабленного оттенка

Другая атрибутивная модель двухцветовых композитов может использоваться в качестве модификатора основы прилагательного с суффиксом *-оват-*, передающим слабую степень признака: *розовато-лиловый, коричневато-желтый*. Так снимается омонимия двухцветного объекта и одного смешанного цвета.

7) Модель переходного оттенка

Еще одна атрибутивная модель, ныне устаревшая, использовалась ранее для обозначения оттенка цветового перехода; она сохранилась в прилагательном *иссиня-черный*. Исторически ее можно рассматривать как сращение синтаксической конструкции типа «из синя черный», где первая форма — краткое прилагательное в родительном падеже с предлогом — равноценна наречию (ср. с наречиями аналогичного происхождения: *издавна, издалика* [Иванов 1990: 364–367]); она встречается и с глаголом:

...листва, готовясь ко сну, начала цъпеньть; въ вѣтвяхъ и ниже ихъ стали изъ-синя темнѣть сумерки; степь погасла. [С. Р. Минцловъ. Изъ «Сновъ Земли». Отрывокъ (11.1924) // Вѣстникъ Главнаго Правленія Общества Галлиполійцевъ, 1924]

Однако чаще это уточнение прилагательного. Неравноправие компонентов здесь отчетливо видно:

Выставил в окно из-синя багровое лицо с налитыми кровью глазами. [Л. Н. Сейфуллина. Виринея (1924)]

Возможно, эти сложные прилагательные и ранее были достаточно редки или являются авторскими окказионализмами; так, мы находим и другие примеры: у Тургенева — *избура-красное, иссера-беловатое лицо, иссера-черные, изжелта-карие глаза, изжелта-серый песок* (подробнее см. [Федорова 2022]), у Шолохова — *изжелта-красный сазан, изжелта-коричневый утенок*.

Краснянский выделяет переходное значение с частичным наложением цветов в объекте и у некоторых употреблений типа *зелено-голубые глаза, бело-голубое небо* [Краснянский 2000: 17–24].

II. Модели прилагательных с одним цветовым компонентом

Другой большой класс цветовых композитов-прилагательных составляют такие, где собственно цветовым является лишь один из компонентов. Среди них выделяются качественные собственно цветковые (8–9) и относительные (10–11).

8) Модель с формантом, уточняющим характер цвета

К атрибутивным относится модель, в которой первый компонент уточняет цвет по одному из дополнительных признаков.

В типологических описаниях цвета кроме главного компонента — тона — обычно выделяют в качестве зависимых интенсивность, насыщенность (степень несмешанности с белым: *темно-, густо-, светло-*) и яркость (количество отраженного света: *ярко-, бледно-* [Апресян 1995: 9]). Для

русского языка Р. М. Фрумкина отмечает светлоту и яркость [Фрумкина 1984]; основными являются, по-видимому, парные противопоставления: *светлый — темный, яркий — бледный/тусклый*. Различие этих признаков не всегда четко осознаваемо; так, трудно определить различие между *светло-зеленым* и *бледно-зеленым*, между *густо-синим* и *темно-синим*.

В современных толковых словарях не вполне четко разграничиваются эти пары значений: в отношении к цвету *светлый* толкуется как «Менее яркий по цвету по сравнению с другими, бледный, не темный. *Светлые волосы. Светлые краски. Светлое платье*»; *бледный* — «Слабо окрашенный. *Бледное небо*» [Шведова 2007]; *темный* — «По цвету близкий к чёрному, очень густой по окраске (противоп.: светлый). ... *Темная синева неба. Темная зелень куста*»; *густой* — «Чрезвычайно обильный, интенсивный. *Густой цвет* (насыщенный, яркий, сочный)» [Кузнецов (ред.) 2000].

Кажется, светлые тона все же могут быть яркими и не бледными, а темные — необязательно густыми. Можно представить *светлый* оттенок цвета как смешанный с белым, а *темный* оттенок — как смешанный с черным; *густой* — как концентрированный цвет, не смешанный с другим; *яркий* — как концентрированный и наделенный блеском; *бледный* как неконцентрированный и неяркий. Следует оговориться, что в данном случае мы говорим о языковой картине мира носителя языка, а не о специфических терминах живописи, где приняты более четкие критерии разделения признаков цвета. В обычной речи, так же как и в поэтической, употребление этих определителей может быть весьма своеобразным. Так, у А. К. Толстого:

*Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что смотрите на меня,
Темно-голубые?*

— дается очень интересное цветовое сочетание: голубой цвет обычно осознается как светлый по отношению к синему. Да и типичные колокольчики мы сейчас вряд ли назвали бы голубыми, скорее сиреневыми. Но стихотворение написано в 1840-е гг., а тогда прилагательное *сиреневый* в цветовом значении еще не употреблялось. Отсюда, возможно, и возникло такое определение цвета: не светло-синего и не темно-синего, ближе к густо-голубому, но особенного оттенка, для которого еще не было выбрано отдельного имени.

Интересно то, что светлый оттенок цвета не универсально связан со светом, светоносностью; так, в армянском языке цветовые прилагательные со значением 'светлый' в первом компоненте переводятся со словом

bats, имеющим значения ‘открытый, растворенный, жидкий’ (ср. «открытый магазин», «жидкий чай»), т. е. в оппозиции к понятию ‘густой’ (по признаку насыщенности); а производные от *lujs* ‘свет’ связываются не с цветом, а, скорее, с сиянием.

Кроме отмеченных признаков интенсивности цвета в этой модели могут быть уточнения и с другими определителями зрительного восприятия: *прозрачно-розовый, мутно-белый, матово-зеленый, глянцево-черный, грязно-желтый, чисто-белый, блекло-голубой, ослепительно-белый, переливчато-зеленый* и др. Возможны и метафорические переносы на другие каналы восприятия: тактильный (*мягко-, нежно-, вязко-, холодно-, бархатисто-*), вкусовой (*ядовито-, сочно-*), слуховой (*приглушенно-*, ср. *кричаще красный*), а также этические и ментальные оценки: *прелестно-голубые глаза* (В. Катаев), *невинно-белые церкви* (С. Н. Сергеев-Ценский).

Эта модель весьма продуктивна и в то же время характерна именно для цветообозначений: на основе атрибутивной связи можно образовать различные цветковые прилагательные, уточняя характер цвета.

9) Модель с формантом, уточняющим цвет по эталону

Еще одна атрибутивная модель композитов основана на сравнении. Этот способ передачи оттенка цвета соотносит его с эталоном, данным в первом компоненте: *лимонно-желтый, небесно-голубой, пепельно-серый, жемчужно-белый, изумрудно-зеленый*. В отличие от предыдущей, первый формант, хотя и представляет собой основу прилагательного, сохраняет предметную референцию, является относительным в своем первом значении. Такая модель может быть развернута в сравнительную конструкцию «Adj как N»: *желтый как лимон, белый как снег* и проч. Хотя некоторые эталонные прилагательные уже имеют переносные цветковые значения (напр., *жемчужные зубки, изумрудная листва*), однако для них типично прямое относительное значение (ср. *жемчужное ожерелье, изумрудный перстень*); для обозначения цвета они нередко сочетаются с классификатором *цвет* («брусничного цвета с искрой» фрак Чичикова). Эта модель, как и предыдущая, специфична для цветковых композитов.

Один и тот же цвет может иметь разные оттеночные эталоны, уточняющие качество (например, *лимонно-желтый, соломенно-желтый, песочно-желтый, янтарно-желтый; молочно-белый, снежно-белый, лилейно-белый*).

Модель создает большой простор для авторских образований со свободными ассоциациями. Так, у В. Катаева находим в описании растений: *тигрово-абрикосовый цвет, буддийски-красный цвет, шафранно-красные соцветия*, а также *янтарно-охряные доски* («Трава забвенья»). Особенно много примеров можно найти в «Словаре отражений» В. В. Краснянского: *алмазно-белый, бумажно-белый, землисто-желтоватый, кирпично-розовый, медно-коричневый* и др. [Краснянский 2000: 151–226].

Интерес представляет пара *снежно-белый* и *белоснежный*. Если *снежно-белый* построено в соответствии с рассматриваемой моделью, то *белоснежный* образовано не от *снежный* с уточнением цвета, а непосредственно от сочетания «*белый снег*» сложением и присоединением относительного суффикса *-н-*. В фокусе — качество, относящееся к белому снегу, в данном случае именно цвет. Эта конструкция принадлежит уже к следующей модели.

10) Модель относительных прилагательных, включающих цветовой компонент

Такие прилагательные отмечают цветовую характеристику материала или цветной объект в составе референта: *беломраморный дворец* (дворец из белого мрамора), *белокаменный город* (из белого камня), *белоствольная береза* (с белым стволом), *черноплодная рябина* (с черными плодами).

Это модель ограниченного употребления, она ориентируется на определенные устойчивые образы. В то же время она не ограничивается только цветовыми характеристиками (ср. *грубошерстный*, *тонколистный*). В отличие от предыдущего класса (модели 8–9), в котором прилагательные достаточно легко конструируются в речи, слова этой модели являются лексикализованными словарными единицами. Но и в ней возможны окказионализмы и метафорические употребления:

Синезвездная ночь чуть стала бледнеть на востоке (В. В. Каменский. Степан Разин. 1928).

Относительные прилагательные этой модели могут использовать в качестве производящей основы двусоставные номинации — имена собственные, включающие цветовой компонент в символическом или образном значении: *Красная Армия* > *красноармейский*, *Белая гвардия* > *белогвардейский*, *Черное море* > *черноморский*.

Эти прилагательные образованы сложно-суффиксальным способом.

11) Экзоцентрическая модель «неотчуждаемой принадлежности»

Это особая модель композитов, которую составляют относительные прилагательные, выделяющие у референта объект, обычно часть тела, характеризующийся по внешнему признаку: *чернобровый*, *кареглазый*, *сизокрылый*, *белокрышый городок* (Шолохов). Как и предыдущая, она производна от сочетания прилагательного и существительного: *кареглазый* — ‘имеющий карие глаза, с карими глазами’. Это классическая модель выражения принадлежности — *bahuvrīhi*, в современной типологии сложных слов — экзоцентрическая, т. е. референт сложного слова (обладатель) не обозначен никаким компонентом в самом этом слове; для него постулируется формальный нулевой суффикс в отличие от обычного относительного суффикса *-н-* (ср. *остронос-Ø-ый* — внешний признак и *остроум-н-ый*

с суффиксом *-н-* — оценочный признак, не воспринимаемый непосредственно) [Федорова 2015].

Языковая специфика этой модели проявляется в сопоставлении, например, с английской: так, *green-eyed* ('зеленоглазый') имеет материальный суффикс *-ed*, который соотносит композит с референтом (обладателем); тем самым композит считается эндоцентрическим в отличие от русского *зеленоглазый* с нулевым суффиксом. Впрочем, существует точка зрения, по которой русские прилагательные этого типа могут рассматриваться как сложно-флексионные [Немченко 1984: 137], поскольку именно флексия указывает на отнесенность целого к определяемому референту.

III. Существительные с цветовым компонентом

12) Атрибутивная модель существительных

Цветовые компоненты возможны и в составе сложных существительных: *чернослив*, *чернозем*, *желтобрюх*, *Черномор*, *Зеленоград*. Они образуются на основе атрибутивной связи между компонентами, но приобретают сдвиг значения, характерный для экзоцентрических композитов: *чернослив* — не «черная слива», а сорт слив, *чернозем* — не просто «черная земля», а вид почвы (в отличие от *краснозема*, *серозема*). Морфологически словосложение может сопровождаться усечением основы или конверсией — переходом в мужской род (можно и здесь представить нулевой суффикс как словообразовательный формант). Эти слова, как и в предыдущем случае, входят в более широкую модель, использующую не только цветовые признаки (ср. *косогор*, *острослов*, *толстосум*), однако их число ограничено.

13) Сложно-суффиксальная модель существительных

Здесь относятся образования с разными суффиксами: *белорыбца*, *краснопёрка*, *краснодеревщик*, *белошвейка*, а также топонимы: *Зеленогорск*, *Белозерск*, *Краснокаменск* и ряд фамилий: *Белобородов*, *Белохвостиков*, *Белошапков*, *Синезубов*, *Красноперов* и под. (преимущественно от прилагательных неотчуждаемой принадлежности; иногда они восходят к прозвищам владельцев голубей по названию их пород [Унбегаун 1995]). Так же, как и две предыдущих, она возможна и с нецветовым первым компонентом (ср. *чужестранец*, *Дивногорск*).

Оценка продуктивности

Итак, мы рассмотрели основные структурные модели сложных слов с цветовым компонентом. Внешне они сводятся к двум орфографиче-

ским типам: дефисные (сложносоставные) и слитные (собственно сложные), однако по своей словообразовательной структуре и по семантике передают разные смыслы.

Некоторые модели характерны только для цветовых значений (сложноцветные, оттеночные модели, характеристики по эталону), так что их структурное описание представляет интерес и для цветологии, и для типологии словосложения.

Общей особенностью большинства цветовых моделей сложных прилагательных является их высокая продуктивность, обусловленная опорой на свободные конструкции, легко порождаемые в речи; обычно они не фиксируются в словарях.

Для оценки продуктивности обратимся к результатам пилотного эксперимента по описанию образца цвета респондентами в соцсетях¹. Респондентам (100) был предложен образец в зоне розового цвета с заданием описать цвет наиболее точно, используя по возможности сложные цветообозначения. В итоге были получены различные номинации, среди которых одноосновные (подразумевающие существительное «цвет») — *фуксия* (26%), *барбикор* (1%) — и двухосновные (73%). Среди всех наиболее часто (56%) использовалась модель 8 — с формантом, уточняющим характер цвета (обычно к *-розовый*): *ярко-* (34%), *темно-*, *светло-*, *неоново-*, *кислотно-*, *глубоко-*, *насыщенно-*, *вырвиглазно-* (!). Второй по распространенности была модель 5 передачи оттенка (9%) с цветовыми формантами: *фиолетово-розовый*, *пурпурно-малиновый*, *розово-алый*, *сиренево-розовый*. Третьей по частоте была модель 9 — с модификатором-эталонном (8%): *барби-розовый* и *малиново-розовый*. Можно предположить формирование нового цветового эталона (Барби, в 6 ответах), возможно, конкурента для «фуксия».

Проведенный эксперимент показывает, что поиск цветовой номинации опирается не столько на готовую клишированную лексическую единицу, сколько на выбор одной из нескольких продуктивных моделей и заполнение ее разными, в том числе окказиональными, формами, что и раскрывает возможности самой модели.

Таким образом, цветовые композиты представляют собой открытые классы лексем, свободно формирующихся на основе разных моделей с высокой продуктивностью.

¹ Эксперимент проводился в две серии: весной 2024 г. в рамках дипломной работы студентки РГГУ Д. С. Власовой под руководством автора и зимой 2025 г. автором.

Литература

- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Языки славянской культуры, 1995. 481 с.
- Арнаутова Н. В. Колоризм: понятие и основы типологии // Концепт. 2014. № 30. С. 1–9.
- Гак В. Г. Беседы о французском слове: Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М.: Ленанд, 2020. 336 с.
- Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1990. 400 с.
- Косых Е. А. Система цветообозначений в русском языке (к созданию и публикации «Русской энциклопедии цвета») // Вестн. Барнаульского государственного педагогического университета. Сер. Психолого-педагогические науки. 2002. № 2. С. 18–28.
- Краснянский В. В. Сложные цветообозначения в русской речи. Орехово-Зуево: О-ЗГПИ, 2000. 234 с.
- Крючкова О. Ю. Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 63–85.
- Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь современного русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovuj-slovar> (дата обращения 15.06.2024).
- Кульпина В. Г. Лингвистическая цветология. От истории к современности цветовых концептосфер. М.: МАКС Пресс, 2019. 386 с.
- Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М.: Высшая школа, 1984. 256 с.
- Соснина Л. В. Структурные разновидности композитных цветообозначений // Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. № 2. С. 56–64.
- Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М.: Прогресс; Универс, 1995. 448 с.
- Федорова Л. Л. Эмоции в грамматике // Эмоции в языке и речи. М.: РГГУ, 2005. С. 178–199.
- Федорова Л. Л. Сложные прилагательные неотчуждаемой принадлежности в русском языке // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 8. С. 61–74.
- Федорова Л. Л. Живописная палитра прозы Тургенева и Достоевского // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 1. С. 183–193.
- Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.
- Aprésjan V. Russian Constructions with Syntactic Reduplication of Colour Terms: A Corpus Study // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 3. С. 653–674.
- Scalise S., Bisetto A. The classification of compounds. Chapter 3 // The Oxford Handbook of Compounding / ed. by R. Lieber, P. Steckauer. Oxford University Press, 2009. P. 49–82.

References

- Apresjan V. Russian Constructions with Syntactic Reduplication of Colour Terms: A Corpus Study. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika = Russian Journal of Linguistics*, no. 22 (3), pp. 653–674. (In Eng.)
- Apresjan Yu. D. *Izbrannye trudy. T. 1. Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Selected works. Vol. 1. Lexical semantics: Synonymous means of language.] Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 1995. 481 p.
- Arnautova N. V. [Colorism: the concept and foundations of typology]. *Kontsept*, 2014, no. 30, pp. 1–9. (In Russ.)
- Fedorova L. L. [Emotions in Grammar]. *Emotsii v yazyke i rechi* [Emotions in Language and Speech]. Moscow, RSUH, 2005, pp. 178–199. (In Russ.)
- Fedorova L. L. [Compound adjectives of inalienable belonging in the Russian language]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, 2015, no. 8, pp. 61–74. (In Russ.)
- Fedorova L. L. [The pictorial palette of Turgenev and Dostoevsky's prose]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*, 2022, no. 1, pp. 183–193. (In Russ.)
- Frumkina R. M. *Tsvet, smysl, skhodstvo: Aspekty psikholingvisticheskogo analiza* [Color, meaning, similarity: Aspects of psycholinguistic analysis]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 175 p.
- Gak V. G. *Besedy o frantsuzskom slove: Iz sravnitel'noi leksikologii frantsuzskogo i russkogo yazykov* [Conversations about the French word: From the comparative lexicology of the French and Russian languages.] Moscow, Lenand Publ., 2020. 336 p.
- Ivanov V. V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language.] Moscow, Prosveshchenie Publ., 1990. 400 p.
- Kosykh E. A. [The system of color designations in the Russian language (towards the creation and publication of the “Russian Encyclopedia of Color”).] *Vestnik Barnaul'skogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta. Ser. Psikhologo-pedagogicheskie nauki*, 2002, no. 2, pp. 18–28. (In Russ.)
- Krasnyanskii V. V. *Slozhnye tsvetooboznacheniya v russkoi rechi* [Compound color-terms in the Russian speech]. Orechovo-Zuevo, Publ. House of the O-ZSPI, 2000. 234 p.
- Kryuchkova O. Yu. [Issues of linguistic interpretation of lexical reduplication in the Russian language]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2004, no. 2 (8), pp. 63–85. (In Russ.)
- Kul'pina V. G. *Lingvisticheskaya tsvetologiya. Ot istorii k sovremennosti tsvetovykh kontseptosfer* [Linguistic Colorology. From history to modernity of color conceptspheres]. Moscow, MAK Press Publ., 2019. 386 p.
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [A large explanatory dictionary of the modern Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p. Available at: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar><http://www.gramota.ru/slovari> (accessed 15.06.2024).

- Nemchenko V. N. *Sovremennyi russkii yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Word formation]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1984. 256 p.
- Scalise S., Bisetto A. The classification of compounds. Chapter 3. *The Oxford Handbook of Compounding*. Ed. by R. Lieber, P. Steckauer. Oxford, Oxford University Press, 2009. P. 49–82. (In Eng.)
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p.
- Sosnina L.V. [Structural varieties of composite color designations]. *Vestnik RUDN. Seriya Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*, 2015, no. 2, pp. 56–64. (In Russ.)
- Unbegaun B. O. *Russkie familii* [Russian surnames: translated from English]. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1995. 448 p.